

УДК 398

DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-3

Маркович Д. С.¹,
Благоевич Н. Д.²

**ОБРАЗ МЕДВЕДЯ В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ И СЕРБОВ
(ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ НА МАТЕРИАЛЕ
НЕКОТОРЫХ ЖАНРОВ ФОЛЬКЛОРА)**

Философский факультет Нишского государственного университета,
ул. Кирилла и Мефодия, д. 2, г. Ниш 18000, Республика Сербия;

¹ *dejan.markovic@filfak.ni.ac.rs*

² *nenad.blagojevic@filfak.ni.ac.rs*

Аннотация. В исследовании, фрагмент которого представлен в данной работе, мы стремимся выявить характерные черты образов животных в фольклоре славянских народов. В статье рассматривается символический образ медведя на материале основных жанров русского и сербского фольклора. Как тотемное животное, медведь занимал исключительно важное место в мировосприятии славянских народов. Впоследствии его образ стал обрастать дополнительными смыслами, вследствие чего отношение представителей разных славянских народов к медведю и понимание его роли и места в жизни человека существенно изменилось и разошлось. Сравнительный анализ образа медведя в русском и сербском фольклоре, проведенный в исследовании, свидетельствует о влиянии целого комплекса факторов на формирование картины окружающего мира у русских и сербов.

Ключевые слова: медведь; зооморфизмы; фольклор; пословицы и поговорки; сербская народная культура; русская народная культура

Для цитирования: Маркович Д.С., Благоевич Н.Д. Образ медведя в восприятии русских и сербов (Опыт сравнительной типологии на материале некоторых жанров фольклора) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 2. С. 23-31. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-3

D. S. Markovich¹,
N. G. Blagojevic²

**IMAGE OF A BEAR IN PERCEPTION OF RUSSIANS AND
SERBS (EXPERIENCES OF COMPARATIVE TYPOLOGY
ON THE MATERIAL OF SOME GENRES OF FOLKLORE)**

University of Nis, Faculty of Philosophy in Nis, 2 Cyril and Methodius St., Nis 18000, Serbia;

¹ *dejan.markovic@filfak.ni.ac.rs*

² *nenad.blagojevic@filfak.ni.ac.rs*

Abstract. In the study, we seek to identify the characteristic features of the images of animals in the folklore of Slavic peoples. This article discusses the symbolic image of a bear based on the material of the main genres of Russian and Serbian folklore. As a totemic animal, the bear had an exceptionally important place in the world perception of Slavic people, and its role subsequently began to acquire additional meanings that significantly changed the attitude of representatives of different Slavic people to its position in relation to man. A comparative analysis of the image of a bear in Russian and Serbian folklore, conducted in this work, indicates the influence of a whole complex of factors in the formation of a picture of the surrounding world in Russians and Serbs.

Keywords: bear; zoomorphism; folklore; proverbs and sayings; Serbian folk culture; Russian folk culture.

For citation: Markovich, D. S. and Blagojevich, N. G. (2019), “Image of bear in perception of Russians and Serbs (experiences of comparative typology on the material of certain genres of folklore)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (2), 23-31, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-3

Данная работа является продолжением предпринятого нами исследования в области сравнительной типологии образов животных в сербском и русском фольклоре и посвящена народному восприятию образа медведя. В продолжение рассматриваемой нами темы сравнительной типологии образов животных в сербском и русском фольклоре¹ внимание обращается на народное восприятие медведя. Как и в случае с образом волка, народные представления о медведе в значительной степени зависят от места животного в совокупности связей с человеком и его бытом. В системе славянских поверий, в частности сербских и русских, медведь, как и волк, по отношению к человеку занимает отдаленную позицию (в соответствии с бинарной оппозицией «близко-далеко»), наряду с другими дикими животными. Исследователь сербских народных поверий Любинко Раденкович отмечает, что с точки зрения человека, «самое близкое из диких животных – волк, а самое отдаленное – медведь», однако из всех животных именно у медведя больше всего антропоморфных характеристик (Раденкович, 1996: 88). Это обстоятельство обуславливает широту и богатство символического образа медведя в фольклоре, который, хотя и сложился в эпоху относительной общности славянских языков, тем не менее в ходе длительного периода их обособленного развития приобрел определенные различия, на что мы хотели бы обратить внимание в данной работе.

¹ О подобном исследовании фольклорного образа волка, см.: Маркович Д., Благовеч Н. Образ волка в лингвокультурологическом восприятии русских и сербов (Опыт сравнительной типологии на материале некоторых жанров фольклора // *Славистика XIX* (2015), Белград: Славистическое общество Сербии. С. 267-276.

Человекоподобие медведя способствовало развитию многих разнообразных сюжетов обращения медведя в человека и наоборот, а также послужило основой предположения об их общем происхождении (см.: Мифы народов мира..., 2008: 650; Фасмер, 1986: 212). Поэтому фундаментальную роль в народном восприятии медведя стали играть те его атрибуты, которые, собственно, и отличают его от человека. Прежде всего, это шкура, а также челюсти и когти, а в качестве амулетов – череп, кости и зубы. С этой атрибутикой связано множество ритуалов, среди которых центральное место отводится ритуалу медвежьей охоты, предположительно, послужившему основой всех последующих мифопоэтических образов этого животного в сербской и русской традициях (см.: Мифы народов мира..., 2008: 650). Символическое ряжение человека в медведя, изначально связанное с ритуалом охоты, со временем приобрело более богатую семантику, отражающую целый комплекс народных представлений.

Эти представления в первую очередь связаны с представлением о медведе как **сильном и опасном** звере. Больше всего как сербских, так и русских фразеологизмов и идиом указывает на восприятие человеком крупного животного Европы как злого, сильного и опасного зверя, которого охотникам и другим животным одолеть трудно.

В сербском языке: «*Јак (снажан) као медвед*» (Оташевић, 2012: 491) / рус. *сильный как медведь* (так говорят о каком-то человеке); «*Пала мува на медведа*» (Оташевић, 2012: 491) и «*Пала муха на међеда*» (Караџић, 1965: 231) / рус. *упала муха на медведя* (когда происходит что-то незна-

чительное). Фразеологическое значение в данном примере развивается через связывание двух явлений, которые по своей величине полностью противоположны – муха слишком маленькая и незаметная в сопоставлении с медведем².

В русском языке: «*Не балуйся с медведем – задавит*» (Мокиенко, 2010: 524); «*Медведь дожидает того, как бы содрать кожу с кого*» (Мокиенко, 2010: 525); «*Кобыла с медведем тягалась, да один хвост да грива остались*» (Даль); «*Хороша на медведе шуба, да когти востры*» (Мокиенко, 2010: 524); «*Пуганный медведем и пня боится*» (Мокиенко, 2010: 524); «*Медведи – плохие соседи*» (Мокиенко, 2010: 524); «*Раненый медведь – опасный зверь*» (Мокиенко, 2010: 526). С силой медведя связаны, как нам кажется, и «алкогольные» выражения: «медведь» – кофе с ромом или водкой; «медведь» (ж.-д.) – проводник вагона со спиртным; «медведя побороть» – выпить большую кружку вина. И не всегда медведь виноват, если съедает домашнее животное или нападает на человека: «*Виноват медведь, что корову съел, а не права и корова, что за поля ходила; Ешь, медведь, попа и барина, оба ненадобны*» (Мокиенко, 2010: 525).

Сербская пословица *Зло је звијере међед!* / рус. *злой зверь медведь!* произошла от рассказа, в котором человек гулял по горе с евангелием и читал: «Наделяю вас властью наступить на змею и скорпиона и на любую силу лукавого». В этот момент через дорогу появился медведь, человек побежал за ним и ударил его. Тогда медведь повернулся, схватил человека и стал его бить. К счастью, по этой дороге проходили люди и вырвали человека из медвежьих лап. Когда человек выздоровел, он опять взял евангелие и, прочитав тот стих, сказал: «Но не сказал: на медведя,

значит, – я виноват» (Оташевић, 2012: 115).

Часть фразеологизмов подчеркивает и **бессмысленность огромной силы** медведя. Чаще всего данные фразеологизмы употребляются, чтобы описать состояние человека: «*Бира као међед гњиле крушке*» (Оташевић, 2012: 56) / рус. *выбирает, как медведь гнилые груши*. У Оташевича (Оташевић, 2012: 410) встречаем среди примеров выражений со значением «очень много, в огромном количестве»: *Као гњилих крушака* / рус. *Как гнилых груш; Док су међеда навукли на крушке, отргли му уши, а док су га свукли са крушака, отргли му и реп* (см.: Оташевић, 2012: 96) / рус. *пока медведя приучали к грушам, вырвали ему уши, а когда отучали от груш, вырвали и хвост*. Русские фразеологизмы в этом значении разнообразны: «*Гоняется, как медведь за воробьями* / *Ловить, как медведь перепелку; Медведь дуги гнул, да запрягать не во что; Правит, как медведь в лесу дуги гнет* (*гнет – не парит, а переломит – не тужит*); *Врасплох и медведь труслив; И большой медведь от малого комара страдает; И медведь в неволе пляшет; И медведь теленком бывает; Медведь силен, да люди его ловят; Медведь силен, да на цепи его водят; Силен медведь, а на его шкуре спят; Силен медведь, да в болоте лежит; Падёт на медведя желудь, и он рыкнет, а как целый дуб – и он не мигнет*» (Мокиенко, 2010: 524-526).

Когда в Сербии хотят сказать, что человеку необходимо отдохнуть, то употребляют выражение: «*И међед низ крушку слазећи почива, а камо ли чоек од посла да не почине*» (Карацић, 1965: 124) / рус. *и медведь отдыхает после того как он слез с груши, поэтому и человеку после работы нужно отдохнуть*. В сербском языке медведь также упоминается в контексте невозможности разделить малое на равные части. Об этом говорит сербская пословица «*Једна крушка на десет међеда*» (Карацић, 1965: 131) / рус. *одна груша на десять медведей*.

² Существует и анекдот, когда муравьи и медведи играли в футбол, и после матча один муравей просыпается в больнице, весь перебинтованный. Медведь его посещает и извиняется за грубость в игре, а муравей отвечает, что и его команда играла грубо.

Символическая роль медведя как властелина всех зверей и леса, своеобразной пограничной территории между мирами, способствовала его отождествлению с силой, представляющей угрозу как для человека, так и для нечисти: «С медведем дружись, а за топор / ружье держись» (Мокиенко, 2010: 524). В сербском языке аналогичное выражение «Ићи/доћи мечки на рупу» (Оташевић, 2012: 499) / рус. *идти/прийти к берлоге медведицы* также означает опасность от зверя, но употребляется для состояния человека, когда он в беде, либо ему предстоит опасность, либо он в каком-нибудь затруднительном положении. Такое восприятие медведя во многом связано с его **непредсказуемостью**: русская поговорка «В медведе думы много, а вон нейдет» (Мокиенко, 2010: 524) говорит о непредсказуемости поведения медведя и о его скрытности. Этот зверь для человека непонятен и оттого еще более страшен. Для обозначения людей, которые ранее попадали в опасную ситуацию, используется выражение «Кого медведь драл, тот и пня боится» (Мокиенко, 2010: 525). В синонимичном сербском выражении для описания аналогичной ситуации вместо медведя используется пара змеящица – *Кога су змије уједале и гуштера се плаши* / рус. *кого змеи кусали, тот и ящерицы боится*.

Фразеология отмечает медведя и отдельно от силы. Русские поговорки: «Медведь неуклюж, да дюж» (Мокиенко, 2010: 525); «И медведь теленком бывает» (Зимин, 1996). В Сербии в разговорном языке автомобиль Мерседес называют *Мечка* / рус. *медведица* именно из-за его представительного вида и большого размера. Также в сербском языке есть фразеологизм «Родити мечку» (Оташевић, 2012: 499) / рус. *породить медведицу*, и он означает сделать что-либо с большим мучением и усилием. Когда кто-то преувеличивает события и вещи, в русском языке употребляется выражение «*делать из мухи слона*». В сербском языке в эквивалентном выражении употребляется пара муха-медведь:

«*Правити од муве медведа*» (Оташевић, 2012: 491) / рус. *делать из мухи медведя*.

И в русском, и в сербском языке есть стереотип о **неуклюжести** медведя. Люди, наверное, должны были заметить, что медведь несколько обделен ловкостью, чтобы побороть страх перед ним. В сербском языке: *Мечка* / рус. *медведица* – *неуклюжий и крупный человек*; (*Ићи*) *као мечка* / рус. (*ходить*) *как медведь* – грубо, неуклюже. В русском языке про неуклюжего и неповоротливого человека шуточно говорят: «*медведь*»; «*поворотлив, что медведь*»; «*медведь (слон) на ухо наступил*» – когда у человека нет музыкального слуха. В серб. *медвеђа услуга* / рус. *медвежья услуга* — неуклюжая помощь в чем-то, принесшая вместо добра зло и огорчение. Словосочетание распространилось в связи с написанной в 1807 году басней И.А. Крылова «Пустынник и медведь», рассказывающей о медведе, убившем камнем спящего друга при попытке отогнать сидящую на его лбу муху. Хотя в басне этого фразеологизма нет, но именно в этом ее смысл. «Удар так ловок был, что череп врозь раздался, И Мишин друг лежать надолго там остался!». Этот сюжет не нов: французский баснописец XVII века Ж. де Лафонтен ту же мысль провел в басне «Медведь и садовник», а фразеологизм «медвежья услуга» вошел во многие европейские языки.

С образом медведя в славянской традиции издавна ассоциируется нечистая сила, ему отводится главенствующая роль в лесах, в силу чего нередки сюжеты, в которых медведь выступает самим лешим или его родным братом (см.: Славянские древности..., 2004: 212). Ведущая роль среди лесных зверей в представлениях народа могла повлиять на отождествление медведя с неким хозяином леса, напрямую связанным с языческим богом Велесом/Волосом, что отражено непосредственно в поверьях восточных славян (см.: Иванов, 1974: 46). Л. Раденкович как раз в этом видит причину табуирования названия медведя, так как «Волос – это всего

лишь ипостась более древнего индоевропейского бога мертвых Велеса» (Раденковић, 1996: 89). Такое предположение подтверждает и тот факт, что табуирование названия медведя характерно и для других индоевропейских языков, ср.: англ. «bear» и нем. «Bar» – по признаку «бурый», др.-греч. «ἀρκτος», лат. «ursus» и др.-инд. «ṛksa» – по признакам «всклокоченности», «косматости» (Мифы народов мира..., 2008: 651). Что касается самого названия «медведь», М. Фасмер приводит интересную этимологическую связь этого существительного с др.-инд. «madhuvád» в значении «едающий сладкое», что с учетом исторических процессов в разных славянских языках – «укр. *медвідь*, *ведмідь*, цслав. *медвьдь* м. греч. *ἀρκτος*, болг. *медвѣд*, сербохорв. *медвјед*, словен. *medved*, чеш. *medvěd*, *nedvěd*, польск. *niedźwiedz*, диал. *miedźwiedz*, в.-луж. *mjedwjédź*, н.-луж. *mjadwjeż*» (Фасмер, 1986: 589), – может послужить доказательством возможного заимствования славянскими языками уже табуированного названия животного.

В связи с такой этимологией названия животного можно говорить об еще одной характеристике, отраженной преимущественно в русском языке, – о **прожорливости**. О прожорливости медведя свидетельствуют множество выражений: «*Когда волк будет овцой, медведь садовником, свинья огородником; Медведь быка дерет: и тот ревет, и тот ревет – кто кого дерет, сам черт не разберет; Бык с медведем тягались, голова да хвост его остались. / Корова с медведем тягалась: остались рога да копыта*» (Мокиенко, 2010: 524-525). И даже: «*Медведь по корове съедает, да голоден бывает (а кура по зерну клюет, да сыта живет)*» (Мокиенко, 2010: 525). Конечно, подчеркивается и то, что он зимой в спячке не ест ничего: «*Медведь лежа целую зиму не ест, а на весну целую корову трескает; Медведь по корове жрет, а всю зиму лапу сосет*» (Мокиенко, 2010:525). В сербском языке мы нашли только одно выражение о про-

жорливости медведя: *Једе као мечка / рус. Ест как медведица.*

Символическая связь с владыкой нижнего мира стала основой, на которой строился многозначный, иногда амбивалентный образ медведя в фольклоре восточных и южных славян. Очередной пласт семантики раскрывается на примерах вторичного табуирования названия медведя, на этот раз мотивированного отсылкой не к языческому богу, а к народному быту. Например, медведя в русском фольклоре могли обозначать следующим образом: «он, сам, хозяин, дедушко, овсяник, маська, черный зверь, куцый, мохнач, косматый черт, старый, костоправ, ломака, косолапый, бирюк, сергачский барин <...>, Миша, Мишук, Михайло Иванович Гоптыгин, Потапыч, медведица Аксинья, Матрёна», а в сербском народном творчестве: «*тета, она, она несрећа, она ала*» (Славянские древности... 2014: 214). Эти новые представления о медведе в основном складывались в эпоху средневековья и отражали влияние разных систем ценностей, с которыми сталкивались славянские народы. В частности, медведь начал восприниматься как символ здоровья, силы и плодородия, его появление или использование его атрибутов в ритуалах могло, по народным представлениям, устрашать нечистую силу и тем самым охранять скот, имущество и жизнь человека, а также снимать порчу с него. Последнее напрямую связано с народным восприятием болезней как одушевленных явлений – воплощений нечистой силы из потустороннего мира.

С другой стороны, представления о медведе как угрозе для нечистой силы способствовали тому, что и среди сербов, и среди русских во многих фольклорных жанрах и поверьях появляются сюжеты, в которых излечение от болезней требует использования медвежьих амулетов, чаще всего когтей или шерсти, иногда черепа (см.: Ђорђевић, 1958: 258; Фасмер, 1986: 212-214).

Для восточных славян, в частности для русских, медведь стал мощным символом

плодородия, что чаще всего отражается в свадебном ритуале, обрядах любовной магии и лечения бесплодия (см.: Славянские древности... 2014: 213). У сербов такая символика в основном связана с сюжетом нападения медведя на женщину, чтобы увести ее к себе и сожительствовать с нею (*ibidem*). Такие представления могли повлиять на отождествление медведя в средневековой христианской традиции с греховной телесной природой человека, своеобразным символом плотского искушения, нередко связанным с библейской историей об Адаме и Еве.

Немало поверий сербского и русского народов относительно медведя связано и с календарным фольклором. Сербь считают, что медведь выходит из берлоги на праздник Сретение (который отмечается 15 февраля³) и, если видит свою тень, возвращается в берлогу и продолжает спать еще шесть недель. У русских пробуждение медведя связывают с Благовещением (7 апреля) или с Васильевым днем (4 апреля), а в берлогу он уходит на Воздвижение (27 сентября). Особое место выделено медведю в календарном фольклоре южных славян, где в день Св. Саввы (27 января) или Св. Прокопия (21 июля) отмечают так называемые «медвежьи дни» с целью защиты от этого зверя. В данном случае отчетливо перекликаются образы волка и медведя, так как указанная традиция соответствует «волчьим дням», имеющим почти такую же цель. О связи этих образов свидетельствует и вариант знаменитой пословицы из словаря Даля: «Работа не медведь (не волк), в лес не убежит» (Даль).

На фольклорный образ медведя значительное влияние оказали библейские тексты и христианская богослужебная литература. В этих текстах, насыщенных богатой символикой в плане интерпретации сравнительных характеристик человека и зверей, медведь связан с сатаной. Влияние

христианства приносит в сербскую и русскую народные традиции новые сюжеты, в которых мотив обращения человека в медведя получает смысл наказания за грехи, совершенные против Христа и его учения (см.: Славянские древности... 2014: 211). Достаточно большую распространенность среди восточных славян получили поверья о медведях-оборотнях, колдунах, которые могли принимать облик медведя. Человеческое происхождение медведя подтверждалось в народном восприятии и тем наблюдением, что собака и на него, и на человека лает одинаково, а также особенностями его поведения по отношению к потомству, способностями плясать, радоваться, есть сладкое и т. п.

Танец медведя, несомненно связанный с уже упомянутым ритуалом медвежьей охоты, у сербов оставил значительный след во фразеологии. В танцах медведя сербский язык увидел два дополнительных значения: а) **Предвестие беды**. В сербском языке есть выражение: «Игра меча пред чичином кућом, доћи ће и пред нашу» (Караџић, 1965: 118) / рус. *танцует медведь перед дядиным домом, придет и к нашему*. Значит оно, что что-то плохое должно непременно произойти. Это высказывание употребляется, когда кто-то радуется чужой беде, и напоминает, что и с ним может произойти то же самое. б) **Предостережение**. Существует сербская пословица: «Играј, играј међеде, што наиграш то тебе» (Караџић, 1965: 118) / рус. *танцуй, танцуй, медведь. Что натанцуешь, забирай себе*. Так можно сказать человеку, который делает какое-либо зло.

Заставить медведя танцевать также считалось своеобразной победой, подчинением человеком этого опасного зверя, проявлением его уязвимости. В русском языке наблюдаем фразеологизмы, свидетельствующие о том, что и этого опасного зверя можно приручить, что он уязвим, несмотря на его размеры: «И медведя покоряют: И медведя прогневить – так в ноги кланяется; Не хочет медведь плясать, да губу дерут (да за губу теребят);

³ Даты указаны по новому стилю (григорианскому календарю), хотя церковный календарь в Сербской, как и в Русской православной церкви, юлианский.

Медведь силен, да люди его ловят» (Мокиенко, 2010: 525-526). В сербском языке мы выделили в этом контексте всего один фразеологизм: «*За невољу и медвед играти научи*» (Караџић, 1965) / рус. *в неволе и медведь научится танцевать*. Но в данном случае фразеология уделяет внимание медведю как зрелищу. Тут дело в развлечении и подчинении медведя воле человека, выставлении его на всеобщее обозрение и триумф человека над медведем. Это также призвано помочь побороть страх перед диким зверем. В русском языке примеры тому: «*И медведя бьют, да учат; И медведя люди учат; Медведь лег – игра стала; Медведь пал – игры только; Медведь пляшет, а поводырь (цыган) деньги берет*» (Мокиенко, 2010: 525-526). Если не очень получается заставить медведя танцевать, то говорят в оправдание: «*Медведь-то новый, да поводилицык-то старый*» (Мокиенко, 2010: 525).

В русском языке есть выражение «*делить шкуру неубитого медведя*» и пословицы «*не убив медведя, шкуру не продают; неубитого медведя шкуры не делят; не убив медведя, кожи не дерут*» (Мокиенко, 2010:526), а в сербском – синонимичное выражение будет со словом заяц: «*Гради ражањ, а зец у шуми*» (Караџић, 1965: 80) / рус. *строит мангал, а заяц в лесу*.

Встречаются русские выражения, отмечающие склонность медведя к одиночному образу жизни: «*два медведя в одной берлоге не живут*» (*не уживутся / не улягутся*); «*живет один, как медведь в берлоге*» (*как бирюк*). В сербском языке в таких выражениях употребляется волк: «*сам као вуц у шуми*. / рус. *один как волк в лесу*. Также об одиночестве медведя свидетельствует и то, что он бывает в зимней спячке, а поэтому он считается лунным животным и ассоциируется с периодически исчезающей и вновь появляющейся Луной.

На популярном в Сербии сайте (Vukaj-ljja) мы нашли и сербские разговорные выражения со словом *мечка* / рус. *медведица*. Приведем некоторые из них: «*Не чачкај мечку*» / рус. *не трогай медведицу* (в зна-

чении – не лезь на рожон, не призывай беды); «*мечка*» – самое большое унижение в дворовом баскетболе, когда вы настолько сильнее противника, что при счете 7:0 игра заканчивается, так как дальше играть бессмысленно; «*мечка*» – идеальный брачный партнер, который раздерет тебя на куски в течение нескольких минут и не будет тебя мучить на протяжении всей жизни; «*мечка*» – контрабас (этот термин используется, в основном, в терминологии джаза и джазовых выступлений); «*мечка*» (в жаргоне фотографов) узкая тень, которая остается на стене или какой-либо поверхности из-за вспышки; *Јел' игра (бела) мечка?* / рус. *разве медведь танцует?* Так говорят, когда кто-то внимательно смотрит (прищуривается) за событием или самим человеком; «*мечка*» – универсальное название для любой плюшевой игрушки, указывает на лохматость медведя. В русском языке таких выражений много: «*Брови, что медведь лежат, густые; На медведя глядели – пряжа космата; Тот же медведь, да в другой шерсти*» (Мокиенко, 2010: 524-526).

В целом можно прийти к выводу, что на фольклорный образ медведя в сербской и русской традициях ключевое влияние оказал его антропоморфный облик и символическое значение его места в пространственной системе ценностей славянской культуры. Основные отличия в восприятии медведя у сербов и русских связаны с ареалом его обитания и влиянием на жизнь народа. Можно предположить, что образ медведя играл более важную роль в восточнославянском фольклоре, тогда как в южнославянской традиции, в частности у сербов, это положение занимал волк. Также можно отметить, что в сербском фольклоре гораздо чаще используется существительное *мечка* – рус. *медведица*, что может служить признаком более выраженной связи с женским началом в восприятии этого зверя среди сербов.

Литература

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. СПб.–М.: Тип. Товарищества М.О. Вольф, 1905. Т. 2. [Электронный ресурс] URL: <https://runivers.ru/bookreader/book483202/#page/162/mode/1up> (дата обращения: 28.04.2019).

Ђорђевић, Т. Природа у веровању и предању нашега народа. Београд: САНУ, 1958.

Зимин, В.И., Спириин, А.С. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Сьюита, 1996. 543 с.

Иванов, В.В. Исследования в области славянских древностей: Лексич. и фразеол. вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. 342 с.

Караџић, В. Сабрана дела. Књига IX: Српске народне пословице. Београд: Просвета, 1965.

Мифы народов мира: Энциклопедия. Электронное издание / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 2008 (Советская Энциклопедия, 1980). [Электронный ресурс] URL: https://archive.org/details/Myths_of_the_Peoples_of_the_World_Encyclopedia_Electronic_publication_Tokarev_and_others_2008/page/n15 (дата обращения: 28.04.2019).

Мокиенко, В.М., Никитина, Т.С., Николаева, Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: Олма Медиа Групп, 2010. 1024 с.

Оташевић, Ђ. Фразеолошки речник српског језика. Нови Сад: Прометеј, 2012.

Раденковић, Љ. Символика света у народној магији Јужних Словена. Ниш: Просвета, 1996. 378 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995-2014. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). 2004. 697 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. чл.-корр. АН СССР О.Н. Трубачева. В четырех т. М.: Прогресс, 1986. 672 с. Т. 2 (Е – Муж).

Vukajlija [Электронный ресурс] URL: <https://vukajlija.com/mecka> (дата обращения: 28.04.2019).

References

Dahl, V. I. (1905), *Tolkoviy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language], M.O. Wolf, SPb, Moscow, Russia [Online], available at:

<https://runivers.ru/bookreader/book483202/#page/162/mode/1up> (Accessed 4 April 2019) (in Russ.).

Djordjevic, T. (1958), *Priroda u verovanju i predanju nashega naroda* [Nature in beliefs and legacy of our people], Serbian academy of science and arts, Belgrade, Serbia (in Serb.).

Ivanov, V. V. (1974), *Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey* [Research in the field of Slavic antiquities], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Karadzic, V. (1965), *Sabrana dela. Kniga IX: Srbske narodne poslovice* [Collected works. Book IX: Serbian people proverbs] Prosveta, Belgrade, Serbia (in Serb.).

Mify narodov mira: entsiklopediya [Myths of the peoples of the world: encyclopedia] (2008), in Tokarev, S. A. (ed.), Moscow, Russia [Online], available at: https://archive.org/details/Myths_of_the_Peoples_of_the_World_Encyclopedia_Electronic_publication_Tokarev_and_others_2008/page/n15 (Accessed 4 April 2019) (in Russ.).

Mokienko, V. M., Nikitina, T. S. and Nikolaeva, E. K. (2010), *Bolshoy slovar' russkikh poslovits* [Great Dictionary of Russian proverbs], Olma Media Group, Moscow, Russia (in Russ.).

Otašević, Đ (2012), *Frazeološki rečnik srpskog jezika* [Phraseological dictionary of Serbian language], Prometej, Novi Sad, Serbia (in Serb.).

Radenković, Lj. (1996), *Simbolika sveta u narodnoj magiji Yuzhnykh Slovena* [Symbolism of world in the folk magic of southern Slavs], Prosveta, Serbia (in Serb.).

Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar' v 5 t. Tom 3: K-P [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary in 5 volumes. Volume 3: K-P] (2004), in Tolstoy, N. I. (ed.), *Mezhdunarodnye otnosheniya*, Moscow, Russia (in Russ.).

Vasmer, M. (1986), *Etimologičeskij slovar' russkogo yazyka. V 4 t. Tom. 2 (E - Muzh)* [The Etymological Dictionary of the Russian Language. In four volumes. Vol. 2 (E - Muzh)], Translated by Trubachev, O.N., Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Vukajlija [Online], available at: <https://vukajlija.com/mecka> (Accessed 4 April 2019).

Zimin, V. I. and Spirin, A. S. (1996), *Poslovice i pogovorky russkogo naroda* [Proverbs and sayings of Russian people] Syuita, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов:
авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Маркович Деян Слободанович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Философский факультет, Нишский государственный университет, ул. Кирилла и Мефодия, д. 2, г. Ниш, 18000, Республика Сербия; dejan.markovic@filfak.ni.ac.rs

Благович Ненад Джорджевич, кандидат филологических наук, ассистент профессора, кафедра русского языка и литературы,

Философский факультет, Нишский государственный университет, ул. Кирилла и Мефодия, д. 2, г. Ниш, 18000, Республика Сербия; nenad.blagojevic@filfak.ni.ac.rs

ABOUT THE AUTHORS:

Dejan S. Markovich, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, University of Nis, 2 Cyril and Methodius St., Nis 18000, Serbia; dejan.markovic@filfak.ni.ac.rs

Nenad G. Blagojevich, PhD, Assistant Professor, Department of the Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, University of Nis, 2 Cyril and Methodius St., Nis 18000, Serbia; nenad.blagojevic@filfak.ni.ac.rs